

Ань Юцин со всей силы оттолкнул Цзинь Баоэр. Она упала на землю и громко зарыдала.

Фань Шисинь поспешно помогла Цзинь Баоэр подняться и утешила ее.

Длинная Сяоси держалась за руку Ань Юйцин и молчала, после чего все трое, включая Длинного Вэньлуна, вернулись в дом.

Цзинь Баоэр тоже вернулась в комнату Цзинь Цинъюэ, продолжая всхлипывать.

"В чем дело?" - спросила Ань Сяонин, вставая.

Цзинь Баоэр, глядя на нее, крикнула: "Не подходи ко мне. Если бы не ты, разве моя мамочка получила бы травму? Я все слышала, пока стояла у двери. Ваш сын даже толкнул меня, вы все мошенники!"

Ань Сяонин был ошеломлен ее внезапной вспышкой.

"Следи за своим тоном, как ты могла так грубо обойтись с тетушкой? Разве так учила тебя мама?" Цзинь Цинъюэ наставляла Цзинь Баоэр.

"Это явно их вина. Почему ты меня ругаешь?" ответила Цзинь Баоэр, закрыв лицо руками, и разрыдалась.

Ань Сяонин редко бывала такой терпеливой, хотя и не хотела спорить с ребенком.

"Твоя мама пострадала из-за меня, и я тоже очень виновата в этом. Но никто не хотел, чтобы это случилось. Я знаю, что ты беспокоишься только о своей мамочке, но мы все тоже беспокоимся о ней. Ты не одна такая".

Цзинь Баоэр молчала, а Ань Сяонин сказала Цзинь Цинъюэ: "Продолжай уговаривать ее. Мне придется вернуться в полицейский участок, чтобы провести допрос".

"Хорошо, все будет в порядке. Иди, сестренка".

Ань Сяонин кивнула и повернулась, чтобы уйти.

После ухода она закрыла дверь. Цзинь Цинъюэ прислонилась головой к изголовью кровати и смотрела на дочь, не произнося ни слова. Ей вдруг показалось, что ее дочь - это отражение ее самой.

"Мамочка..."

"Кто сказал, что ты можешь так грубо разговаривать с тетей?" спросила Цзинь Цинъюэ.

"Она мне еще не тетя".

"А кто сказал, что нет?"

Если в молодости ты будешь такой грубой и невоспитанной, то никому не понравиться", - укоряла Цзинь Цинъюэ со строгим выражением лица.

Цзинь Баоэр опустила голову и промолчала.

"Это я виновата, что избаловала тебя. Я больше не позволю тебе вести себя так своевольно и

бесчувственно. Если в следующий раз ты посмеешь быть такой грубой, мама тебя отругает".

"Лучше забей меня до смерти. Как только ты это сделаешь, у тебя больше не будет дочери!"

Цзинь Цинъюэ была поражена. Она не ожидала, что ее дочь будет угрожать ей в таком юном возрасте.

-

Ань Сяонин вернулась в полицейский участок, где ее ждали Ма Цзяньго и остальные.

Мужчина сидел в комнате для допросов, его челюсть все еще была вывихнута, из-за чего он бесконтрольно пускал слюни. Ань Сяонин обвязала его губы веревкой средней толщины, чтобы он не прикусил язык и не покончил с собой, отвечая на вопросы.

Поправив челюсть, Ань Сяонин встал у решетки и заглянул внутрь. "Ты планируешь говорить правду?"

"Особо нечего говорить, это я все сделал. Больше никто не замешан", - прямо ответил мужчина, не выказывая никаких признаков страха.

Не сводя с него глаз, Ань Сяонин спросила: "Не могли бы вы сказать мне, каков ваш мотив? Почему вы хотели убить меня? Мы даже не знаем друг друга. Должна же быть причина, по которой ты хотел меня убить?".

"Нет причины, я просто хотел убить тебя. Разве я не могу этого сделать?"

"О, ничего себе, я и не знал, что в наше время люди убивают без причины. Ничего страшного, если ты не хочешь говорить. У меня есть тысяча способов выбить из тебя правду. Но этот процесс может быть очень болезненным. Если вы не хотите терпеть мучения, вам лучше поторопиться и говорить. Не ждите, пока мы подвергнем вас безжалостному наказанию, прежде чем вы признаетесь".

"Вы... вы собираетесь заставить меня признаться, подвергая меня физическим пыткам!?"

"Видишь, я сказал тебе признаться, пока мы все еще добры.

Раз уж ты решил быть таким скрытным, я не буду с тобой церемониться". Ань Сяонин сказал Ма Цзяньго: "Я нанял человека, чтобы он вырыл туннель в земле моего дома. Офицер Ма, что вы скажете, если мы возьмем его туда на время?".

"А если он поползет вверх?"

"Не сможет. Я положу туда двух голодных тибетских мастифов. Посмотрим, съедят ли его мастифы. Я с нетерпением жду этого", - сказала Ань Сяонин, сложив руки вместе.

Сердца всех заколотились, так как они не знали, говорит ли она серьезно или просто пытается напугать мужчину.

Мужчина тут же побледнел как лист от страха. "Ань Сяонин, ты слишком порочна. Ты поступаешь не по правилам!"

"Твоя пуля промахнулась мимо моего сердца на самую малость. Ты все еще ожидаешь, что я буду обращаться с тобой по правилам? Ты прав, я порочная женщина. Кто бы ни поступил со

мной плохо, я заставлю его заплатить двойную цену. Чувство, когда хочется умереть, должно быть очень сильным. Я уверена, что вы хотели бы попробовать. Поскольку ты не хочешь говорить правду, нам придется доставить тебя в поместье Вэй Ни", - с прямым лицом сказал Ань Сяонин.

Заметив, что полицейские собираются его увести, мужчина начал энергично сопротивляться и отказывался сдвинуться с места, но безрезультатно, так как и руки, и ноги были связаны. Поэтому его увезли силой.

Дойдя до двери, Ань Сяонин спросил напоследок: "Ты должен хорошенько все обдумать. Важно решить, хочешь ли ты поступить как герой и пожертвовать собой ради хозяина или спасти себя от жестокого наказания. Не думай о том, что тебя выследят и убьют, когда ты выйдешь на свободу, потому что к тому времени этого человека уже не будет".

Мужчина удивленно поднял брови. Он не ожидал, что у этой маленькой и миниатюрной женщины перед ним такой острый язык.

"Я же сказала, что все сделала по собственной воле".

Ань Сяонин приказала Цзу Дуну и Гун Ле: "Немедленно уведите его".

Затем она позвонила Фань Шисину и поручила ему немедленно вырыть подвал шириной два метра и глубиной три метра, заявив, что это очень срочно.

Фань Шисинь без промедления приступил к выполнению поручения.

Как только полицейская машина въехала во двор, Ань Сяонин вышла из нее.

"Уже закончили?"

"Почти. Для чего тебе это нужно?" тихо прошептала Фань Шисинь.

"Узнаешь позже. Приведи мне двух тибетских мастифов сейчас же".

"Тибетских мастифов?" озадаченно спросила Фань Шисинь.

"Да, скорее", - жестом приказала Ань Сяонин.

"Хорошо, я пойду прямо сейчас".

Она засунула руки в карманы и замерла в ожидании. Остальные полицейские один за другим выходили из машины и силой вытаскивали мужчину.

Фань Шисинь вернулась через 20 минут с двумя владельцами собак, каждый из которых вел своего тибетского мастифа к Ань Сяонину и остальным.

Увидев разыгравшуюся перед ними сцену, все сразу поняли, что Ань Сяонин не шутит!

К тому времени, как они подошли к норе, ноги мужчины уже превратились в желе. Он уставился на тибетских мастифов, которые высунули языки, а затем посмотрел на Ань Сяонин, у которой было строгое выражение лица. Он был почти на грани отчаяния.

"Бросьте его в яму, прежде чем отправить мастифов сопровождать его. Посмотрим, насколько

решительно он будет прикрывать свою организацию и организатора", - с ухмылкой сказала Ань Сяонин.

Цзу Донг и Гонг Ле подтолкнули мужчину и уже собирались бросить его в яму. Когда они подошли к краю ямы, мужчина наконец сдался и закричал во всю мощь своих легких, побледнев как лист: "Я расскажу вам все! Не бросайте меня вниз, я буду говорить!"

Ань Сяонин протянул руку и жестом попросил Цзу Дуна и Гун Ле остановиться, что они и сделали.

"Почему? Разве вы не были очень скрытными и упрямыми раньше? Теперь вы боитесь? Разве ты не боялся смерти?".

"Я боюсь, а кто бы не боялся?"

"Отвезите его обратно в полицейский участок", - приказал Ань Сяонин.

<http://tl.rulate.ru/book/24840/2083058>